

ВЕДОМОСТИ

Кризис: Новые уроки

Евсей Гурвич

17.12.2008, №239 (2261)

Критикам проводимого властями курса вряд ли уместно использовать кризис как повод с удовлетворением сказать: «Мы предупреждали!» Нашу экономику и многих граждан ждут трудные времена, и нужно объединить усилия для совместного поиска выхода из непростой ситуации. Но еще менее уместно уходить от серьезного обсуждения реальных источников кризиса. Делая вид, что российская экономика лишь стала жертвой мировых финансовых потрясений, мы лишаем себя возможности извлечь необходимые уроки, которые помогут избежать подобных кризисов в будущем.

Многие страны Латинской Америки десятилетиями живут от кризиса к кризису. Напротив, страны Юго-Восточной Азии после кризиса 1997-1998 гг. возобновили уверенное развитие. Россия также извлекла серьезные уроки из дефолта 1998 г. Главным стало осознание того, что слабость государственных финансов дорого обходится стране. Кроме того, была признана необходимость защищать экономику от неожиданных изменений внешней конъюнктуры. Дефолт действительно был вызван сочетанием огромного бюджетного дефицита (который устойчиво составлял 7-8% ВВП) с резким падением стоимости нефти. После кризиса бюджет неизменно исполнялся с профицитом, а для страховки от нового скачка цен на нефть был учрежден стабилизационный фонд. С учетом того, что российские банки не имели в своем портфеле «плохих» американских долгов, давших начальный толчок мировому кризису, мы действительно могли чувствовать себя в относительной безопасности — заявления о том, что Россия станет «тихой гаванью», не были бесосновательными.

Но кризис ударил по нашей экономике сильнее, чем по большинству других стран. Потери можно оценить, например, сравнивая только что выпущенный ОЭСР прогноз роста ВВП на будущий год с их же прошлогодними ожиданиями. Предсказываемое замедление роста в России оказывается втрое больше, чем в среднем по остальным странам БРИК (Бразилия, Индия и Китай). Значительно глубже упал наш фондовый рынок. Чем это можно объяснить?

Едва ли не главная причина состоит в том, что мы серьезно недооценили степень зависимости российской экономики от цен на нефть. Перепады внешней конъюнктуры не угрожали бюджету, однако оказалось, что это далеко не единственный канал нашей зависимости от сырьевых рынков. Как отмечается в докладе Мирового банка, российский фондовый рынок начал падать одновременно с ценами на нефть и в дальнейшем точно следовал за ними. Это означает, что с точки зрения инвесторов привлекательность нашей экономики определялась исключительно дорогой нефтью и связанными с этим факторами (емким внутренним рынком, укреплением рубля). До середины нынешнего года нарастающий приток нефтедолларов питал опережающий рост доходов и потребительский бум (включая спрос на жилье) — именно строительство и торговля стали основным генератором роста экономики в последние годы. В условиях падения цен на нефть эти же секторы понесут наибольшие потери.

Второй ошибкой стало то, что денежные власти допустили перенасыщение экономики дешевыми деньгами. Избыток денег практически всегда ослабляет экономику. В Америке дешевые деньги использовались на выдачу рискованных ипотечных кредитов. У нас на фондовом рынке и рынке недвижимости цены стали безудержно расти, создавая иллюзию выгоды экстенсивного развития: приобретения все новых активов, расширения строительства. Задачи повышения эффективности компаний надолго оказались отодвинуты на второй план.

Мне возразят: о каком избытке денег можно говорить — наоборот, производству их хронически недостает! Однако опыт развивающихся стран показывает, что избыток и дефицит денег нередко сочетаются. Высокие инвестиционные риски и слабость финансовой системы приводят к тому, что дешевые деньги (в том числе заемные) идут не на развитие экономики, а проедаются или вкладываются в недвижимость, искусственно надувая ее стоимость.

Кризис показал, насколько важным было создание стабфонда. Бюджет не только не стал слабым звеном экономики, как при дефолте, но и послужил главным источником спасения банковской системы и других отраслей. Не менее важно, что сбережение части нефтедолларов сдерживало потребительский бум — и опасное нарастание пузырей. Однако осторожное использование нефтяных доходов было в большой степени подорвано снятием в середине 2006 г. ограничений на приток и отток капитала. Да, резко возросший приток иностранного капитала дал толчок инвестициям, ускорив тем самым и производство. Но эта важнейшая мера по либерализации экономики не была поддержана другими, прежде всего более свободным формированием обменного курса. В результате сложилась ситуация, когда одни элементы экономической политики вступили в противоречие с другими. Действие стабфонда, не допускающего в экономику избыток нефтедолларов, подрывалось притоком иностранного капитала, препятствия для которого были сняты.

Еще одной важной ошибкой, совершенной в 1998 г., была попытка поддерживать неизменный обменный курс рубля, несмотря на то что цены на нефть рухнули. В конце концов это привело к гораздо большей девальвации, чем было необходимо вначале. Этот урок мы вроде бы усвоили, перейдя к более гибкой курсовой политике. Но и здесь мы оказались, образно говоря, готовы к «прошлой войне». Возросшая гибкость обменного курса была бы достаточна при тех колебаниях конъюнктуры, которые наблюдались в 1998 г., когда среднемесячные цены упали с \$18-20 до \$10-12 за баррель. Но за последние несколько месяцев перепад стоимости российской нефти был несравнимо большим: она упала с \$130 за баррель в июле до \$51 в ноябре и продолжает снижаться.

Почему три года назад, когда цена на нефть повысилась до \$50 за баррель, это воспринималось как огромная удача, а нынешнее снижение цен до этого же уровня — как непереносимый удар? Зарплата в долларах за последние три года выросла в два с четвертью раза (с \$305 в месяц в октябре 2005 г. до \$687 в октябре нынешнего года), тогда как производительность труда — лишь на 21%. Опережающий рост зарплаты обеспечивался удорожанием нефти, газа и металлов. Но теперь, когда цены на сырье вернулись на прежний уровень, уровень зарплаты должен соответствовать производительности труда — в противном случае наша продукция станет неконкурентоспособной. Наименее болезненный способ восстановить конкурентоспособность — это позволить курсу рубля снизиться.

Всякий кризис возникает в результате накопления в экономике серьезных внутренних противоречий. При всех различиях между ситуацией в российской экономике сейчас и в 1998 г. основное противоречие осталось тем же. Оно заключается в несоответствии между значительной зависимостью нашей сырьевой экономики от внешней среды и попытками не реагировать на резкие изменения мировой конъюнктуры.

Противоречие дополнительно обострилось тем, что мы усилили свою интегрированность в мировую экономику, сняв ограничения на движение капитала. В целом можно резюмировать, что мы пытаемся совместить несовместимое — интегрироваться в мировую экономику и сохранить управление своей экономикой в ручном режиме.

Своими действиями власти как бы пытаются отрицать нашу зависимость от внешней среды. Это можно понять: резкое изменение экономических условий сейчас, при падении цен на нефть, равносильно признанию нашей критической зависимости от мировой конъюнктуры. А это делает очевидным, что ростом экономики и уровня жизни населения в предшествующие годы мы были обязаны в основном дорогой нефти.

Еще один важный урок, который нам следует извлечь, состоит в том, что плохие условия для бизнеса (безнаказанный перехват собственности, отсутствие независимых судов, коррупция) не компенсируются ни благоприятной макроэкономической средой (например, дешевыми деньгами), ни счастливой внешней конъюнктурой. Одна из правительственных программ несколько лет назад предлагала стимулировать развитие за счет форсированного снижения налогов, поскольку оно может быть проведено достаточно быстро, тогда как быстро улучшить институциональные условия невозможно. Жизнь показывает, что этот путь бесперспективен: без совершенствования инвестиционного климата можно сделать лишь короткий рывок, однако невозможно устойчивое развитие. Обилие денег провоцирует финансовые пузыри, снижение налогов ведет к бюджетным рискам, а подорожание нефти позволяет ничего не делать для улучшения делового климата.

И последнее. Наш собственный пример, как и опыт других стран, убедительно свидетельствует, что кризис может иметь положительный педагогический эффект. Однако это происходит лишь в том случае, если уроки окажутся осознаны не только правительством или экспертами, но обществом в целом. Усвоение уроков дефолта в России позволило оздоровить государственные финансы, на восемь лет создав хорошие предпосылки для развития экономики. Пришло время учить новые уроки.

Автор — Руководитель Экономической экспертной группы